

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 114**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 114 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 252 с.

ISBN 978-5-458-04762-3

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04762-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О положеніи психологіи въ русскихъ университетахъ.

Докладъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 10-го марта 1912 года.

Въ настоящемъ докладѣ я предполагаю рассмотреть вопросъ о положеніи психологіи въ русскихъ университетахъ, именно я хочу рассмотреть практической вопросъ, что нужно предпринять для того, чтобы въ нашихъ университетахъ психологія заняла положеніе, при которомъ создались бы условія, благоприятствующія ея научному развитію; какое положеніе должна занимать психологія въ ряду другихъ университетскихъ наукъ, чтобы оказалась возможной плодотворная организація научной работы въ этой области.

Настоятельная необходимость разрѣшенія этого вопроса вызывается огромнымъ практическимъ и научнымъ значеніемъ, которое постепенно приобретается психологіей. Если XIX вѣкъ принято называть „вѣкомъ естествознанія“, то несомнѣнно, что текущее столѣтіе будетъ называться „вѣкомъ психологіи“. Огромныя практическія задачи, которыя должна будетъ разрѣшить психологія и которыя по своей жизненной важности значительно превосходятъ техническія задачи, разрѣшаемыя естествознаніемъ, несомнѣнно сдѣлаютъ психологію центромъ научной работы.

Что это должно будетъ произойти, въ этомъ легко убѣдиться, если обратить вниманіе на необычайный ростъ психологіи въ послѣднюю четверть столѣтія. Посмотрите, напр., какія возникаютъ новыя отрасли психологіи? Такіе виды

изслѣдованія, какъ „психологія экспериментальная“, „психологія дѣтскаго возраста“, „педагогическая психологія“, „этнологическая психологія или психологія народовъ“, „зоопсихологія“, „патологическая психологія“, возникшія только въ недавнее время, разрослись до огромныхъ размѣровъ. Если двадцать лѣтъ тому назадъ по психологіи дѣтскаго возраста, напр., насчитывалось 5—6 сочиненій, то въ настоящее время изслѣдованія въ этой области представляютъ собой пѣлую самостоятельную научную отрасль. Такая дифференціация психологическихъ изслѣдованій напоминаетъ собою дифференціацию, которая давно уже происходитъ въ естественныхъ наукахъ. Конечно, этотъ процессъ расширения научныхъ изслѣдованій въ области психологіи будетъ продолжаться и дальше и потребуетъ въ послѣдствіи огромнаго количества работниковъ.

Таковы перспективы развитія психологіи въ ближайшемъ будущемъ.

Какъ же мы подготовляемся къ участию въ научной разработкѣ психологіи? Къ сожалѣнію нельзя не отмѣтить, что наше участіе въ разработкѣ психологіи въ настоящее время очень слабо. Изъ всѣхъ философскихъ дисциплинъ психологія развита у насъ наименѣе. Если, напр., сравнить положеніе психологіи въ Россіи съ положеніемъ ея даже въ такихъ странахъ, какъ Италія, то нельзя не отмѣтить чрезвычайно слабое развитіе у насъ самостоятельной литературы по психологіи. У насъ чрезвычайно мало специалистовъ по психологіи, и это въ особенности чувствуется теперь, когда при возрастающемъ интересѣ къ психологіи нужны преподаватели психологіи. Въ настоящее время педагогика у насъ въ Россіи ставитъ новыя задачи, которыя можетъ разрѣшить только психологія, но русская психологія, находясь въ зачаточномъ состояніи и насчитывая въ своихъ рядахъ только очень небольшое число специалистовъ, не въ состояніи пойти навстрѣчу этимъ требованіямъ. У насъ почти нѣтъ специальныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, которыя могли бы явиться мѣстомъ

разработки научной психологіи. У насъ крайне мало такъ называемыхъ „психологическихъ лабораторій“. И можетъ быть фатальнымъ является то положеніе, что когда во многихъ русскихъ университетахъ совсѣмъ нѣтъ лабораторій въ собственномъ смыслѣ слова—при среднихъ школахъ ихъ до 50-ти. Очевидно, что университеты въ данномъ случаѣ очень сильно отстали отъ требованій жизни. Жизнь требуетъ знаній по психологіи отъ педагога. Распространяется убѣжденіе въ томъ, что на разработкѣ экспериментальной психологіи можно построить реформу педагогики. Такъ какъ университеты не позаботились своевременно объ организаціи психологическихъ лабораторій, то вполне естественно, что среднія школы сами должны были о себѣ позаботиться. Такъ какъ интересъ къ психологіи возрастаетъ, то число кабинетовъ при среднихъ школахъ будетъ возрастать, въ то время какъ развитія психологическихъ лабораторій при университетахъ совершенно не замѣчается. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что университеты обнаруживаютъ полную несостоятельность.

Кто же является виновникомъ въ создавшемся положеніи? Виновниками такого положенія являются, конечно, университеты. Если бы университеты своевременно открывали у себя институты для психологическихъ изслѣдованій, если бы у насъ было достаточное количество институтовъ для психологическихъ изслѣдованій, то не могло бы возникать и рѣчи объ открытіи психологическихъ лабораторій для самостоятельныхъ психологическихъ изслѣдованій при среднихъ школахъ. Далѣе, если бы у насъ было достаточное число специалистовъ преподавателей психологіи, то едва ли имѣли бы мѣсто тѣ увлеченія, которыя мы замѣчаемъ среди педагоговъ въ настоящее время, когда эти послѣдніе дѣлаютъ попытки организовать самостоятельныя экспериментально-психологическія изслѣдованія при школьной обстановкѣ, между тѣмъ какъ подобныя изслѣдованія могутъ быть только лишь дѣломъ университетскихъ лабораторій.

Чѣмъ же объяснить такое неудовлетворительное состояніе психологіи въ русскихъ университетахъ? Мнѣ кажется, что недостаточное развитіе психологіи находится въ зависимости отъ неудовлетворительности организациіи университетовъ, организациіи, которая ведетъ начало отъ Устава университета 1863 года.

Прежде всего Уставъ 1863 года привелъ къ тому, что нашъ современный университетъ представляетъ собою неудачное соединеніе *ученыхъ* задачъ съ *учебными*, съ настолько сильнымъ преобладаніемъ учебного характера, что ученныя задачи оказались совершенно отодвинутыми на задній планъ. Вслѣдствіе преобладающаго учебного характера нашихъ университетовъ, психологія никогда не занимала самостоятельнаго положенія и въ настоящее время занимаетъ мѣсто въ университетѣ только лишь какъ учебный предметъ на историко-филологическомъ факультетѣ, который изучаютъ будущіе педагоги, между тѣмъ какъ психологія должна была бы имѣть самостоятельное значеніе научной дисциплины, для которой должна была бы существовать отдѣльная кафедра.

Далѣе, авторы Устава 1863 года раздѣлили философскій факультетъ нѣмецкихъ университетовъ на два совершенно отдѣльно стоящихъ другъ отъ друга факультета—физико-математическій и историко-филологическій. Получившееся такимъ образомъ отдѣленіе разработки наукъ гуманитарныхъ отъ наукъ физическихъ оказалось особенно губительнымъ для психологіи, развитіе которой находится въ такой зависимости отъ методовъ естествознанія, между тѣмъ въ нашихъ университетахъ разработка психологіи поставлена въ исключительную зависимость отъ наукъ гуманитарныхъ. И хотя такое ненормальное положеніе психологіи въ русскихъ университетахъ чувствуется уже очень давно; тѣмъ не менѣе для психологіи ничего не сдѣлано за послѣднія 25 лѣтъ. По этому вопросу у насъ нѣтъ никакой литературы, вопросъ о положеніи психологіи въ университетахъ совершенно не обсуждался въ русской

философской и психологической литературѣ. Для улучшенія положенія психологіи въ университетахъ такъ мало сдѣлано, что если бы въ ближайшемъ будущемъ наши законодательныя учрежденія захотѣли провести новый университетскій уставъ, то въ виду невыясненности вопроса о нормальной постановкѣ преподаванія психологіи въ университетахъ, по отношенію къ психологіи все осталось бы въ прежнемъ положеніи. Психологія опять будетъ занимать такое же положеніе второстепенной вспомогательной дисциплины, какъ и въ настоящее время. Другими словами, психологія на много лѣтъ опять будетъ обречена на крайне неблагоприятное существованіе. Вопросъ о новомъ университетскомъ уставѣ можетъ возникнуть въ самое ближайшее время, и въ нашемъ распоряженіи можетъ не быть матеріала для разрѣшенія вопроса о нормальной постановкѣ преподаванія психологіи въ университетахъ: мы можемъ быть застигнуты врасплохъ. Кромѣ того, при выработкѣ новаго устава составители его могутъ совершенно не коснуться вопроса о положеніи психологіи. Намъ надо обратить ихъ вниманіе на него. Вотъ почему вопросъ о положеніи психологіи въ университетахъ слѣдовало бы обсудить заблаговременно.

Что же слѣдуетъ предпринять при такихъ условіяхъ?

Необходимо всестороннее разсмотрѣніе и изслѣдованіе условій развитія психологіи въ нашихъ университетахъ. Такое изслѣдованіе представляетъ настолько обширную работу, что оно не можетъ быть подъ силу отдѣльному лицу, а можетъ быть только предметомъ коллективной работы. Всестороннее изслѣдованіе вопроса возможно, напр., для ученыхъ обществъ, которыя, какъ мнѣ кажется, могутъ взять на себя организацію работы всесторонняго изученія положенія психологіи въ современныхъ русскихъ университетахъ. Мнѣ кажется, что Московское Психологическое Общество могло бы организовать такую работу и выяснить условія нормальной постановки психологіи въ русскихъ университетахъ. Такая работа могла бы имѣть огромное

значеніе для реформы постановки преподаванія психологіи въ университетахъ. Если бы была совершена эта работа, то для всѣхъ сдѣлалось бы яснымъ, что вся схема распредѣленій наукъ, которую мы находимъ въ уставѣ 1863 года и которая въ существенныхъ чертахъ регулируетъ жизнь современнаго русскаго университета, должна быть такъ или иначе измѣнена, потому что при ней психологія никакъ не можетъ занять нормальнаго положенія. Поэтому составителямъ новаго устава, можетъ быть, придется озаботиться о томъ, чтобы въ немъ была иная научная схема. Но чтобы добиться такого признанія, нуженъ авторитетъ коллективной работы.

Чтобы намѣтить возможное рѣшеніе поставленнаго нами вопроса, мы рассмотримъ, каково отношеніе психологіи къ другимъ наукамъ и, главнымъ образомъ, къ философіи, каковы предпосылки ея научной разработки, въ связи съ какими науками должна развиваться психологія, въ какомъ отношеніи психологія должна стоять къ естественнымъ наукамъ. Должна ли психологія непременно быть философскою, не существуетъ ли еще какой-нибудь психологіи кромѣ философской? Я разсмотрѣлъ всѣ эти вопросы въ моей вступительной лекціи „Объ отношеніи психологіи къ философіи“, читанной въ Московскомъ Университетѣ 19 сентября 1907 года. Въ этой лекціи я указывалъ на то, что для психологіи, какъ научной системы, являются необходимыми философскія предпосылки; въ этомъ смыслѣ психологія неотдѣлима отъ философіи. Но на ряду съ такой психологіей можетъ быть еще психологія, которую я называлъ „спеціальной психологіей“, которая можетъ разрабатываться независимо отъ философскихъ предпосылокъ. Существованіе такой психологіи я считалъ весьма цѣлесообразнымъ. „Пусть даже, какъ это принято въ нѣкоторыхъ университетахъ, учреждаются кафедры психологіи на естественныхъ факультетахъ. Это можетъ только способствовать успѣхамъ психологіи вслѣдствіе примѣненія раздѣленія труда и специализаціи“. Но къ этому я прибавилъ: „и эта естественно-науч-

ная психологія будетъ имѣть свои жизненные корни только въ теоретической психологіи“¹⁾).

Отношеніе между этими двумя видами психологіи таково, что философская психологія объединяетъ всѣ результаты специальныхъ видовъ психологіи. Кромѣ того, чрезвычайно важная функція философской психологіи заключается въ томъ, что она придаетъ внутреннее единство различнымъ видамъ психологическаго изслѣдованія. Въ виду такого отношенія между этими двумя видами психологіи, я бы считалъ и возможнымъ, и желательнымъ существованіе двухъ видовъ психологіи и даже возможнымъ существованіе двухъ каедръ психологіи въ университетѣ.

Мнѣ кажется, вопросъ о положеніи психологіи вполне правильно поставленъ въ американскихъ университетахъ. Вопросъ объ отношеніи психологіи, напр., къ философіи и въ Америкѣ вызываетъ жгучій интересъ, и у нихъ вопросъ о томъ, должна ли психологія быть въ зависимости отъ біологіи или отъ философіи, считается неразрѣшеннымъ, но, въ общемъ, они склоняются на сторону того мнѣнія, что психологія должна быть просто самостоятельной. Въ большинствѣ случаевъ они считаютъ необходимымъ философское образованіе для психологовъ (психологія находится у нихъ при философскомъ отдѣленіи), но профессора психологіи читаютъ у нихъ только психологію, ведутъ практическія занятія только по психологіи. Я это положеніе считаю единственно нормальнымъ. Не считаю нормальнымъ европейскій порядокъ, когда профессора психологіи поставлены въ необходимость читать множество предметовъ чисто философскихъ.

Приведу взгляды нѣкоторыхъ западныхъ психологовъ по вопросу объ отношеніи психологіи къ философіи.

Мюнстербергъ говоритъ: „Путь къ психологіи долженъ исходить отъ философіи“ (Der Weg zur Psychologie muss von der Philosophie ausgehen)²⁾. „Психологъ долженъ быть

¹⁾ См. мой „Сборникъ статей“. М. 1912, стр. 82—3.

²⁾ Grundzüge der Psychologie. В. I. 1900. Стр. 1.

больше, чѣмъ психологомъ. Прежде всего психологъ долженъ быть философомъ“. Мюнстербергъ находитъ, что философское образованіе является обязательнымъ для психолога. „Что было бы, если бы наша лабораторія очутилась на естественно-историческомъ отдѣленіи? Произошло бы совершенное отдѣленіе отъ философіи. Наши студенты стали бы приступать къ психологическому изслѣдованію, даже не подозрѣвая, что безъ философскаго образованія они являются простыми дилеттантами“. „Я думаю, что уже скоро у насъ заговорятъ о докторской степени по психологіи“. „Я не спорю, что у этихъ чистыхъ психологовъ найдется много дѣла. Я только сомнѣваюсь въ томъ, будутъ ли они вполне хорошо понимать то, что они дѣлаютъ. Есть очень много психологовъ, которые идутъ такъ спокойно своимъ путемъ, потому что они подобны сомнамбуламъ, ходящимъ по краю крыши, даже не видя въ реальной проблемѣ, они не видятъ той бездны, въ которую могутъ упасть“. „Если психологическая лабораторія обращается въ естественную науку, эксперименты имѣютъ дѣло по большей части съ ощущеніемъ, воспріятіемъ, реакціей, между тѣмъ какъ тѣ лабораторіи, которыя находятся въ связи съ эпистемологіей обращаютъ вниманіе больше на высшія духовныя функціи—и экспериментируютъ относительно вниманія, памяти, ассоціаціи, мышленія и т. п. Но не ясно ли, что только послѣднія работы даютъ реальное право психологической лабораторіи на существованіе.

Если психологія не можетъ дѣлать ничего больше того, что дѣлали физиологи: Гельмгольцъ, Герингъ, Махъ и др., то эспериментальной психологіи не остается ничего больше, какъ только закрыть лавочку и передать дѣло въ руки физиологовъ“¹⁾.

Взглядъ *Вундта* на интересующій насъ вопросъ содержится въ его письмѣ къ Мюнстербергу, которое этотъ послѣдній прочелъ при открытіи психологической лабора-

¹⁾ Harvard Psychological Studies. Vol. II. 1906. Стр. 32—33.

торіи при Гарвардскомъ университетѣ. Вотъ что пишетъ Вундтъ. „Я въ особенности радъ тому, что Вы Вашу новую психологическую лабораторію примкнули къ философіи, а не перекочевали къ естественникамъ. Тамъ и сямъ замѣчается тенденція къ такому переходу, я же думаю, что *психологія не только теперь, но и навсегда принадлежитъ философіи*; только тогда психологія сохранитъ свою независимость“ ¹⁾. Вотъ слова отца экспериментальной психологіи.

Взглядъ *Штумфа* высказанъ имъ въ статьѣ „Раздѣленіе наукъ“. „Если ближе присмотрѣться, говоритъ онъ, то отношеніе психологіи къ метафизикѣ гораздо болѣе тѣсно, чѣмъ отношеніе физики къ метафизикѣ“. Но этого нельзя считать чѣмъ-либо случайнымъ. „Нельзя думать, что эта связь является персональной“, т.-е., что связь эта проистекаетъ отъ того, что до сихъ поръ психологію преподавали философы. „Проблемы психологіи въ настоящее время, какъ и всегда, самымъ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ проблемами философіи. *Нѣтъ никакой возможности отдѣлать психологію отъ организма философскихъ наукъ*“. Психологія тѣснѣйшимъ образомъ связана съ эстетикой, этикой, логикой, философіей права, философіей религіи, соціальной философіей ²⁾.

Въ самое недавнее время *Кюмпе* высказалъ очень интересный взглядъ на отношеніе между медициной и психологіей. Онъ различаетъ два вида психологіи. Одну онъ называетъ философской психологіей, а другую называетъ „*einzelwissenschaftliche Psychologie*“. Онъ находитъ прежде всего, что медики неправильно оцѣниваютъ значеніе психологіи для медицины. Философы такъ или иначе обращаются къ медицинѣ и къ естествознанію, что же касается медиковъ и даже психопатологовъ, то обыкновенно не принято отъ нихъ ожидать, что они ознакомятся со взглядами и съ работой психологовъ. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не только для психологовъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 33.

²⁾ Zur Eintheilung der Wissenschaften. Aus den Abhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften. 1907.

можетъ быть полезно занятіе медицинскими спеціальностями, но и медики могли бы получить пользу отъ ознакомленія съ психологіей. Кюльпе находить, что необходимо выдѣленіе спеціальной психологіи отъ философской, при чемъ думаетъ, что лучше всего если спеціальная психологія будетъ разрабатываться въ связи съ медициной. Не слѣдуетъ опасаться, что философская психологія можетъ потерять отъ такого раздѣленія: философская психологія все же будетъ продолжать существовать на ряду со спеціальной. Философы, конечно, будутъ протестовать противъ такого выдѣленія, но это нужно считать неправильнымъ, потому что и философская психологія пріобрѣтаетъ отъ такого выдѣленія, ибо соединеніе философской психологіи со спеціальной не подѣ силу одному человѣку ¹⁾).

Такимъ образомъ мы видимъ, что выдающіеся представители современной нѣмецкой психологіи признаютъ неразрывность связи между психологіей и философией и только въ самое недавнее время мы находимъ у Кюльпе признаніе самостоятельной спеціальной психологіи.

Но если даже допустить возможность преподаванія въ университетѣ двухъ психологій—философской и спеціальной, то все же тотчасъ возникаетъ вопросъ относительно факультета: на какомъ факультетѣ должно вестись преподаваніе этого предмета? Вопросъ этотъ дѣйствительно оказывается необычайно труднымъ, такъ какъ одинъ факультетъ у насъ въ Россіи отдѣленъ такой рѣзкой гранью отъ другого. Всѣмъ извѣстно, что при нашихъ условіяхъ студенту нѣтъ возможности, будучи записаннымъ на одномъ факультетѣ, заниматься изученіемъ наукъ, принадлежащихъ другому факультету.

Если бы на поставленный нами вопросъ мы отвѣтили такимъ образомъ, что психологія должна быть на медицинскомъ или естественномъ факультетѣ, потому что методы естественно-научные являются необходимымъ пред-

¹⁾ См. его статью «Psychologie und Medizin» въ журналѣ Zeitschrift für Pathopsychologie. В. I. 2—3 Heft, 1912. Вышла отдѣльнымъ изданіемъ.